
РЕЦЕНЗИИ

ВРЕМЯ НЕ АНГЕЛОВ – БЕСОВ, ВОЙНЫ И ПОПКОРНА...

Максим Замшев. Вольнодумцы: Роман. СПб.: ООО «Издательство К. Тублина», 2023. – 496 с.

«Я читаю дютюктивный роман, оставьте меня в покое». Этой фразой герой популярного фильма, видимо, хотел подчеркнуть ироническое отношение не только к книге, но и к самому жанру. Ну, в данном случае, перефразируя героя другого фильма,

ни за державу, ни за жанр не обидно. Ибо он процветает во всех своих проявлениях, от высокого до низкого и от простого до сложного. Это подтверждает и новый серьезный роман Максима Замшева «Вольнодумцы», в котором есть элементы настоящего детектива с загадочным убийством, запутанным расследованием, высокопоставленными преступниками и традиционно противоречивой атмосферой в обществе. Присутствуют в книге и озабоченные (но не обремененные особыми заботами) вольнолюбивые молодые люди, протестующие против всего плохого и выступающие за все хорошее. Это примерно о них сказал когда-то Салтыков-Щедрин: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь». Кстати, книга его называлась «О праздношатающихся».

И все же роман Максима Замшева нельзя назвать классическим детективом, ибо в центре внимания не только и не столько расследование преступления. Главное в нем — повествование о том, как милые и прекраснодушные с виду молодые люди (и не только молодые) постепенно проникаются уверенностью в том, что избранная цель оправдывает средства. Что позерство и пустословие, воплощенные в образе пренебрежительно-брезгливой укоризны окружающей среде, дают право на «раскачку общества», на его обман и манипуляцию, на превращение этого самого общества в легко внушаемую толпу, ведомую по пути протеста в страну несбывшихся желаний. Ох, не зря полицейский генерал в начале расследования убийства юной участницы кружка современных революционеров настойчиво советовал подчиненным внимательно почитать Достоевского. «Бесы» не меняются. Они вне времени. А бесовщина насмешливо выглядывает... нет, не из щелей, из самых престижных окон и кабинетов. Она ходит по проспектам и центральным площадям, сидит в модных кафе, на лекциях и семинарских занятиях... И словно не было истории, дальней и ближней, не было трагедий и кровавых переворотов. И словно не льется кровь в соседнем доме, в котором все начиналось так же, с безобидных на первый взгляд лозунгов и призывов к светлому будущему, теряющемуся в смертельно безысходном мраке.

Книга Замшева удивительно актуальна и провидчески честна. Но для читателя на первое место, вероятно, выходит то, что она интересна и увлекательна. И при этом написана непривычно образным, поэтичным языком. Непривычно — для серьезного романа, да еще с детективным подтекстом. Но это ни в коей мере то, что принято называть «прозой поэта». В ней нет манерности и чрезмерности. Она легка, хоть и обильно наполнена приметами современности, пронзительными описаниями улиц и площадей столичных мегаполисов и провинциальных городов.

Вдали, сквозь толстое стекло, поблескивали огни фонарей. Что они освещали? Многокилометровые автобаны, где автомобили подчеркивают всеобщее отчуждение; крошечные поселки с сиротскими избами, в которых ставни годами заколочены; бензозаправки с невкусным кофе и черствой выпечкой, стаи собак, рыскающих в поисках пищи, или что-нибудь еще, диковинное и невиданное, чего себе не представишь...

А ведь как похоже на картину, написанную почти двести лет назад великим Пушкиным. Меняются детали пейзажа, но атмосферность изображения близка даже ритмически. «Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой, За ними чернозем, равнины скат отлогой, Над ними серых туч густая полоса. Где нивы светлые? где темные леса?»

Темный лес — в душах и мыслях героев романа, готовых с легкостью разрушать все вокруг, что для истории вовсе не ново. И как прежде, это в основном обеспеченные молодые люди, для которых пиар и корысть, азартный дух развлечений и авантюра,

смешиваясь с очарованием зла, рождают дурманящее чувство свободы мыслей и поступков. А юношеская беспечность мешает трезво оценить ответы на вопросы «Зачем?» и «Почему?». При этом вполне логичный вопрос «Кому это выгодно?» вообще приходит в голову с непоправимо большим опозданием.

И потому на своих собраниях они с легкостью смешивают правду и вымыслы, реальность и фантазии, в которых передергивание фактов — это нормальный процесс «работы с массами».

...Если мы начнем с вранья, грош нам цена, — вступил в разговор один из парней.
— Это не вранье, — обиженно ответила Соня. — Это способ подачи информации.

Дальше она популярно объяснила, как надо мракобесную деятельность министра культуры увязывать с коррупционными скандалами. По ее мнению, намеки на воровство больше всего раздражают народ. Из этого весь Майдан слепили. Из воровства семейки Януковича.

— Чего в них больше, — спрашивал себя Артем, — юношеского максимализма или заблуждений...

Ненависть не учит любить, тем более целовать. Ненависть учится бить и, может быть, убивать. Еще она учится лгать, ей правда — как в горле кость. А злость — ее злая мать. Я ненавижу злость.

Ненависть пропитывает общество, разрушая представления о добре и зле, правде и вымысле, разделяя на своих и чужих, рождая нетерпимость к иному мнению, насмешливость и злорадство. Но авторское перо описывает события романа спокойно и даже буднично. И это добавляет ощущение правды. Автор внимательно вглядывается в лица героев и персонажей книги, пытается понять мотивы поступков, разобраться в чувствах и мыслях, найти истоки уверенности в собственной непогрешимости, которая заменяет правоту. Поначалу кажется, что в книге нет тех, кого принято называть положительными героями. Но и абсолютных злодеев тоже практически нет. Возможно, за исключением одного из участников кружка «вольнодумцев», прошедшего суровую в своей несправедливости армейскую школу, озлобившегося, не сумевшего реализовать свои мечты, затаившего желание мстить. Кому? Всем. Но при этом ставшего любовником... Кого? Не будем раскрывать тайну повествования. Оно того стоит. Впрочем, и положительные (с натяжкой) герои тоже присутствуют. На мой взгляд, это и сотрудники полиции, среди которых не только, по обыкновению, ироничные и умелые опера (есть, правда, и циничные мерзавцы, готовые из корыстных побуждений на любую подлость — все, как в жизни), но и пенсионер-генерал с сыном-полковником. Это он попал в центр водоворота событий, связанных с убийством, и сумел, проявив достоинство и мужество, с честью пройти испытания. Вызывает симпатию один из главных героев — директор библиотеки, а заодно и любовник (нет, в этом случае более подходит слово «возлюбленный») одной из главных активисток кружка, мечтающей о карьере знаменитой журналистки. Он подкупает искренностью, терпимостью, добродушием. А вот объект его воздыханий, манипулирующая всеми вокруг, в том числе и своим любовником (в данном случае слово точное), ближе все-таки к характеристике со знаком «минус».

— Скажи, а почему ты так ненавидишь режим? У тебя же все хорошо. Работа. Зарплата.

— За других обидно. — Короткова произнесла это абсолютно серьезно. — А ты?

— А мне за себя. Сначала в армию загнали, где такое дерьмо видел, что лучше не вспоминать, теперь вот работаю в ЧОПе. А хотел великим химиком стать. Да вот не получилось. Жизнь — не книга. В прошлое не вернешься. Да и незачем...

— О чем бы ты писал, если бы имел телеграм-канал?

— О том, что власть сама провоцирует волнения, постоянно создавая прецеденты, что лимит на революции Россия исчерпала, и задача общества наущать власть, пытаться изменить ее, но не провоцировать кровь...

— Да как же это возможно? Ничего слушать не будут. Им бабки важнее всего остального...

— Но надо пробовать. Лучше, думаю, людей переубеждать, чем бросать под пули. Кровь порождает кровь...

Кровожадность — как модный тренд, острый взгляд — как топор под полой, но бесчувственный, как документ, что подписан — и с плеч долой. Креативно-злорадная суть у кричащих и злых площадей... Если можешь — немодным будь, погружаясь в трясину идей.

Зачем все это, ради чего? Автор вместе с героями пытается понять смысл происходящего, обнаружить пружину протестных настроений. Вольнодумцами в истории называли и декабристов, и членов организаций «Земля и воля», «Народная воля». Да и революционеры ленинского призыва тоже подходили под это определение. И все же они были другие. Им в своем XIX веке хотелось больше справедливости для всех. И пусть действия их зачастую были несправедливыми, цели столь же часто свидетельствовали о благородстве помыслов. Впрочем, и «бесами» классик назвал примерно таких же «вольнодумцев» не зря.

Самолюбие, честолюбие, снобизм, замешанный на пренебрежении моралью и вызове общественным нравам, уверенность в собственной правоте, неприятие иного мнения — это было свойственно возмутителям спокойствия всегда. И так же всегда стоял перед ними выбор средств и методов достижения поставленной цели. И кстати, почти всегда их деятельность не являлась откровением для тех, кто по долгу службы знает все, всегда, про всех... А в нынешнее время социальных сетей, смартфонов и вай-фая — наверняка. И в романе деятельность кружка также просвечивается, как рентгеном, донесениями внедренного агента. И только случайная гибель одной из активисток нарушает размеренный и контролируемый ход с виду независимых и, казалось бы, импровизационных действий. Все под контролем. Но в жизни всегда есть место для экспромта.

Зачем все это происходит? Куда несется мрак и свет, клубок несыгранных мелодий и неотпаянных побед?.. Зачем, куда — и нет ответа. В ответе — каждый за себя. Хоть много звезд, но мало света... И свет ласкает, не любя.

Сюжет романа, хоть и сконцентрирован на раскрытии преступления (и не одного), по-киношному многовекторен. События происходят не только в нынешнее время, но и на излете 80-х годов. И хоть говорят, что жизнь интереснее, чем кино, эта история может стать захватывающим кинофильмом. И очаровательные пейзажные зарисовки сценарию совсем не помеха. В них — дыхание пространства в Москве и Петербурге, а там все неизменно, хоть и меняется каждое мгновение.

...Справа одиноко торчала стела Поклонной горы с похожей на циркачку богиней победы. Темные комья небосвода угрожали разбиться о холодную землю и заполнить все мутным серым маревом. Елки удерживали снег на лапах с усердием солдата роты почетного караула... Впереди несла изящную колесницу Триумфальная арка... Дворники кое-где скребли снег с привычным отвращением к этому занятию. Окна изысканных домов с сожалением рассматривали то, что творилось под ними...

Ноябрь в Петербурге подает на серебряном мокром блюде ключи от подлинного понимания экзистенции Достоевского и Блока. Ночь, улица, фонарь, аптека

в XXI веке трансформировались в нечто беспредметное, вязкое, превращающее город в большой муляж, в лишившуюся стен крепость, за которой колючий безнадежный пустой север...

Взгляд упирался в Спас-на-Крови, первого собеседника неба, а слева Казанский крыльями колоннад тщетно пытался обнять нечто несуществующее и замирал от отчаяния. Дыхание Невского ближе к ночи походило на вдохи легочного больного, фасады шелестели холодной влагой...

День темнеет и падает в ночь, улыбаясь, светлеет мрак... Тот, кто может, не хочет помочь, тот, кто хочет, не знает как.

Как помочь тем, кому вред мнится во всем, и в помощи тоже? Как научиться различать плюсы и минусы, не забывая, что все относительно, и так будет не всегда? Как не пропасть в пропасти, в которую может превратиться ближайшее будущее? Где она, мера правды и вымысла, осторожности и безрассудства, истины и фальши? И наконец, стоит ли продавать совесть, или все же жизнь дороже любого кошелька? Обо всем этом идет речь на страницах романа Максима Замшева. Ответы на вопросы каждый ищет сам для себя.

Слабость, дойдя до своего предела, легко превращается в силу, в сгустки желаний. В безразличии иногда больше свободы, чем кажется... Петербург покоился в желтом свете фонарей и подсветок на фасадах. Шпиль Петропавловки торчал намеком на то, что не все устремленное вверх есть свобода.

Ангел поет про свободу, где счастья пленительный свет. Пушкин читает, и память — опять рукотворна. Сердцу, живущему будущим, воли в покое все нет. Время не ангелов — бесов, войны и попкорна...

Владимир СПЕКТОР